

НЕКОНЧЕННЫЯ ПОВѢСТИ.

I.

Глава вторая.

Въ 179... году возвращался я въ Лифляндію съ веселою мыслию обнять мою старушку - мать послѣ четырехлѣтней разлуки. Чѣмъ болѣе приближался я къ нашей мызѣ, тѣмъ сильнѣе волновало меня нетерпѣніе. Я погонялъ почтаря, хладнокровнаго моего единосемца, и душевно жалѣлъ о русскихъ амщикахъ и объ удалой русской ѣздѣ.

Къ умноженію досады бричка моя сломалась. Я принужденъ былъ остано­виться. Ксчастію станція была недалеко.

Я пошелъ пѣшкомъ въ деревню, чтобъ выслатъ людей къ бѣдной моей бричкѣ. Это было въ концѣ лѣта. Солнце садилось. Съ одной стороны дороги простирались распаханная поля, съ другой луга, поросшіе мелкимъ кустарникомъ. Издали слышала

печальная пѣснь молодой эстонки. Вдругъ въ общей тишинѣ раздался явственно пушечный выстрѣлъ... и замеръ безъ отзыва. Я удивился. Въ сосѣдствѣ не находилось ни одной крѣпости; какимъ же образомъ пушечный выстрѣлъ могъ быть услышенъ въ этой мирной сторонѣ? Я рѣшилъ, что вѣроятно гдѣ нибудь поблизости находился лагерь, и воображеніе перенесло меня на минуту къ занятіямъ военной жизни мною только-что покинутой.

Подходя къ деревнѣ, увидѣлъ я въ сторонѣ господскій домикъ. На балконѣ сидѣли двѣ дамы. Проходя мимо ихъ, я поклонился—и отправился на почтовый дворъ.

Едва успѣлъ я справиться съ лѣнливыми кузнецами, какъ явился ко мнѣ старичекъ, отставной рускій солдатъ, и отъ имени барыни позвалъ меня откушать чаю. Я согласился охотно, и отправился на господскій дворъ.

Дорогой узналъ я отъ солдата, что старую барыню зовутъ Каролиной Ивановной, что она вдова, что дочь ея Катерина Ивановна уже въ невѣстахъ, что обѣ такія добрыя и проч....

Старушка приняла меня ласково и радушно. Узнавъ мою фамилію, Каролина Ивановна сочлась со мною свойствомъ; и я узналъ въ ней вдову фонъ М., дальняго намъ родственника, храбраго генерала, убитаго въ 1772 году.

Между тѣмъ, какъ я повидимому со вниманіемъ вслушивался въ генеалогическія воспоминанія доб-

рой Каролины Ивановны, я украдкою посматривалъ на ея милую дочь, которая разливала чай и мазала свѣжее янтарное масло на ломтики домашняго хлѣба. 18-ти лѣтъ, круглое румяное лице, темныя узенькія брови, свѣжій ротикъ и голубые глазки—вполнѣ оправдывали мое ожиданіе. Мы скоро познакомились, и на третьей чашкѣ чаю уже обходился я съ нею какъ съ кузиною. Междутѣмъ бричку мою привезли; Иванъ пришелъ мнѣ доложить, что она не прежде готова будетъ, какъ на другой день утромъ. Это извѣстіе меня вовсе не огорчило; и по приглашенію Каролины Ивановны я остался ночевать. . . . .

II.

МАРІЯ ШОНИНГЪ *.

Анна Гарлинъ къ Маріи Шонингъ.

25 Апрелья.

Милая Марія!

Что съ тобою дѣлается? Ужъ болѣе четырехъ мѣсяцсвъ не получала я отъ тебя ни строчки. Здоровы ли ты? Если бы не всегдашнія хлопоты, я бы ужъ побывала у тебя въ гостяхъ; но ты знаешь: 21 миля не шутка. Безъ меня хозяйство станеть; Францъ въ

* *Marie Schoning et Anne Harlin jugées en 1778
à Nuremberg.*

Marie Schoning, fille d'un ouvrier de Nuremberg, perdit son père à 17 ans. Elle le soignait seule, la pauvreté l'ayant forcé de renvoyer leur unique servante Anne Harlin.

En revenant de l'enterrement de son père, elle trouva deux officiers du revenu public, qui lui demandèrent à visiter les papiers du défunt, pour s'assurer s'il avoit payé les taxes en proportion de sa propriété. Ils trouvèrent après l'examen que le vieux Schoning n'avoit pas payé en proportion de ses moyens: ils mirent les sceaux. La jeune fille se retira dans une chambre sans meuble jusqu'à ce que les directeurs du trésor public eussent décidé sur cette affaire.

Les officiers du fisc reviennent avec la décision de leurs chefs, muni d'un ordre qui enjoignait Marie Schoning de quitter la maison, confisquée au profit du trésor.

M^r. Schoning étoit pauvre, mais économe. Une maladie de trois ans épuisa tout ce qu'il avoit amassé. Marie alla chez les commissaires. Elle pleura, et le bureau fut inflexible.

La nuit elle alla au cimetière de S^t. Jacque.—Elle en sortit le matin

La police de Nuremberg assigne un demi-couronne aux gardes de nuit. Pour chaque femme arrêtée la nuit après 10 heures. Marie Schoning fut conduite au corps de garde. Le lendemain elle fut emmenée devant

нѣмъ ничего не смыслить: настоящій ребенокъ. Ужъ не вышла ли ты замужъ? Нѣтъ, вѣрно ты бы обо мнѣ вспомнила—и порадовала свою подругу вѣстію о своемъ счастіи. Въ послѣднемъ письмѣ ты писала, что твой бѣдный отецъ все еще хвораеть; надѣюсь, что весна ему помогла и что теперь ему легче. О себѣ скажу, что я, слава Богу, здорова и счастлива. Работа идетъ помаленьку, но я все еще не умѣю ни запрашивать, ни торговаться. А надоб-

le magistrat qui la renvoya, en la menaçant de l'envoyer dans la maison de correction en cas de tardivité.

Marie voulait se jeter dans la Pegnitz. . . On l'appelle: elle vit Anne Harlin, l'ancienne servante de son père, qui avait épousé un invalide. Anne la consola: la vie est courte, lui dit-elle, et le ciel c'est pour toujours, mon enfant.

Marie fut recueilli chez les Harlins pendant une année. Elle y mena une vie assez misérable. Au bout de ce tems elle tomba malade. L'hiver vint, l'ouvrage manqua; le fisc des desirées s'accrut. Les meubles furent vendus pièce à pièce, excepté le bois de lit de l'invalide qui mourut au printems.

Un pauvre medecin traitait gratis le mari et la femme. Il apportait quelquefois une bouteille de vin, mais il n'avait pas d'argent. Anne se retablit; mais elle devient apathique: le travail manqua tout à fait.

Au commencement de Mars, un soir, Marie sortit tout à coup.

Elle fut arrêtée par la patrouille de nuit. Le caporal la plaça au milieu des soldats, et lui dit que le lendemain elle sera fouettée. Marie s'écria qu'elle était coupable d'un infanticide....

Amenée devant le juge, elle déclara avoir été accouchée par la femme Harlin et que celle-ci l'avait enterré dans un bois. Anne Harlin fut tout à coup arrêtée, et sur sa dénégation confrontée avec Marie elle nia tout.

On apporta les instrumens de tortures, Marie s'épouvanta — elle saisit les mains liés de sa prétendue complice et lui dit: «Anne fais l'aveu qu'on te demande! Ma bonne Anne, tout sera fini pour nous, et Frank et Nany seront mis dans la maison des orphelins.»

Anne la comprit, l'embrassa, et dit — que l'enfant fut jeté dans la Pegnitz.

но будетъ выучиться. Францъ также довольно здоровъ, но съ нѣкоторыхъ поръ деревянная нога начинаетъ его беспокоить; онъ мало ходитъ, а въ ненастное время кряхтитъ, да охаетъ. Впрочемъ онъ попрежнему веселъ; попрежнему любитъ выпить стаканъ вина, и все еще не досказалъ мнѣ исторіи о своихъ походахъ. Дѣти растутъ и хорошѣютъ. Францъ становится молодцемъ. Вообрази, милая Марья, что ужъ онъ бѣгаетъ за дѣвчонками, каковъ? а ему нѣтъ еще и трехъ лѣтъ. А какой забіяка! Францъ не можетъ имѣ налюбоваться, и ужасно его балуетъ; вмѣсто того, чтобъ ребенка унимать, онъ еще его подстрѣкаетъ, и радуется всѣмъ его проказамъ. Мина гораздо степеннѣе; правда, она годомъ старше. Я начала ужъ учить ее азбукъ. Она очнь понятлива, и, кажется, будетъ хороша собою. Но что въ красотѣ? была бы добра и разумна, тогда вѣрно будетъ и счастлива.

Le procès fut rapidement instruit. Elles furent condamnées à mort.— Le matin du jour fixé, elles furent amenées à l'église, où elles se préparèrent à la mort par la prière. Sur la charette Anne fut fermée. Marie fut agitée. Harlin monta sur l'échafaud et lui dit: encore un instant, et nous serons là (au ciel)! Courage, une minute, et nous serons devant Dieu!

Marie s'écria: elle est innocente, je suis un faux témoin. . . . elle se jeta aux pieds du bourreau et du prêtre.... elle dit tout. L'exécuteur, étonné, s'arrête. Le peuple pousse des cris.... Anne Harlin interrogée par le prêtre et le bourreau dit avec repugnance (simplicité) assurément elle a dit la vérité. Je suis coupable pour avoir menti et manqué de foi en la Providence.

Un rapport est envoyé au magistrat. Le messenger revient dans une heure avec l'ordre de procéder à l'exécution. L'exécuteur s'évanouit après avoir décapité Anne Harlin. Marie était déjà morte.

P. S. Посылаю тебѣ въ гостинецъ косынку; обнови ее въ будущее воскресенье, когда пойдешь въ церковь. Это подарокъ Франца, но красныйъ цвѣтъ идетъ болѣе къ твоимъ чернымъ волосамъ. Мужчины этаго не понимаютъ. Имъ все равно, что голубое, что красное. Прости, милая Марья, я съ тобою заболталась. Отвѣчай же мнѣ поскорѣе. Батюшкѣ засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе. Вѣкъ не забуду, что я провела три года подъ его кровлею, и что онъ обходился со мною бѣдной сироткою, не какъ съ наемной служанкой, а какъ съ дочерью. Напиши мнѣ, каково его здоровье.

Марія Шонингъ къ Аннѣ Гарлингъ.

28 Аврѣля.

Я получила письмо твое въ прошедшую пятницу; но прочла его только сегодня. Бѣдный отецъ мой скончался въ тотъ самый день въ 6 часовъ поутру—вчера были похороны.

Я никакъ не воображала, чтобъ смерть была такъ близка. Во все послѣднее время ему было гораздо легче—и г. Кельць имѣлъ надежду на совершенное его выздоровленіе. Въ понедѣльникъ онъ даже гулялъ по нашему саду, и дошелъ до колодезя не задыхнувшись. Возвратясь въ комнату, онъ почувствовалъ легкій ознобъ, я уджила его и по-

бѣжала къ г-ну Кельцу: его не было дома. Возвратясь къ отцу, я нашла его въ усыпленіи; я подумала, что сонъ успокоитъ его совершенно. Г. Кельць пришелъ вечеромъ; онъ осмотрѣлъ больного, и былъ недоволенъ его состояніемъ. Онъ прописалъ ему новое лекарство. Ночью отецъ проснулся и просилъ ѣсть; я дала ему супу; онъ хлебнулъ одну ложку и болѣе не захотѣлъ. Онъ опять впалъ въ усыпленіе. На другой день съ нимъ сдѣлались спазмы. Г. Кельць отъ него не отходилъ. Квечеру боль унялась; но имъ овладѣло такое безпокойство, что онъ пяти минутъ сряду не могъ лежать въ одномъ положеніи; я должна была поворачивать его съ боку на бокъ... Передъ утромъ онъ утихъ —и часа два лежалъ въ усыпленіи. Г. Кельць вышелъ, сказавъ мнѣ, что воротится часа черезъ два. Вдругъ отецъ мой приподнялся и позвалъ меня —я къ нему подошла и спросила, что ему надобно. Онъ сказалъ мнѣ: Марья, что такъ темно—открой ставни; я испугалась и сказала ему: Батюшка! развѣ вы не видите... ставни открыты. Онъ сталъ искать около себя, схватилъ меня за руку и сказалъ: Марья, Марья, мнѣ очень дурно—я умираю... Дай благословлю тебя—поскорѣе. Я бросилась на колѣна и положила его руку себѣ на голову—рука вдругъ отяжелѣла—онъ сказалъ: Господь награди ее—Господь, Тебѣ ее поручаю. Онъ замолкъ—я подумала, что онъ опять заснулъ, и нѣсколько минутъ не смѣла шевельнуться. Вдругъ вошелъ г. Кельць, снялъ съ моей головы руку его—и сказалъ мнѣ: теперъ оставьте его—подите въ свою комна-

ту. Я взглянула; отецъ лежалъ блѣдный и недвижимый. Все было кончено.

Добрый г. Кельць цѣлые два дня не выходилъ изъ нашего дома и все распорядилъ, потому что я была не въ силахъ. И въ послѣднiе дни я одна ходила за больнымъ; некому было меня смѣнить. Часто я вспоминала о тебѣ и горько сожалѣла, что тебя съ нами не было. Вчера я встала съ постели и пошла-было за гробомъ; но мнѣ стало дурно. Я стала на колѣна, чтобъ издали съ нимъ проститься. Госпожа Ротберхъ сказала: какая комедiантка! Вообрази, что эти слова кольнули меня въ сердце; но мнѣ, право, было не до этой Ротберхъ! Вообрази, милая Анна, что слова два возвратили мнѣ силу. Я пошла за гробомъ удивительно легко. Въ церкви, мнѣ казалось, было чрезвычайно свѣтло и все кругомъ меня шаталось. Я не плакала. Мнѣ было душно, и мнѣ все хотѣлось смѣяться.

Его снесли на кладбище, что за церковью св. Якова, и при мнѣ опустили въ могилу. Мнѣ вдругъ захотѣлось тогда ее разрыть, потому что я съ нимъ не совсѣмъ простилась. Но многiе еще гуляли по кладбищу—а я боялась, чтобъ Ротберхъ не сказала опять: какая комедiантка.

Какая жестокость, не позволять дочери проститься съ мертвымъ отцемъ, если ей вздумается.

Возвратясь домой, я нашла чужихъ людей, которые сказали мнѣ, что надобно запечатать все имѣ-

нѣ и бумаги покойнаго отца. Они оставили мнѣ мою комнатку, только вынесли изъ нея все, кромѣ кровати и одного стула. Завтра воскресенье. Я не обновлю твоей косынки, но очень тебя за нее благодарю. Кланяюсь твоему мужу; дѣтей цалую. Прощай. Пишу тебѣ стоя у окошка, а чернильницу заняла у сосѣдей.....

А Пушкинъ.

